
**МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИРКУТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА:
СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

АНДРЕЕВ В. М.

**М. К. ЛЮБАВСКИЙ О КРЕПОСТНОМ ПРАВЕ
В РОССИИ (К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ)**

Весомый вклад в изучение крепостного права в России внесла дворянско-буржуазная историография. Об этом говорит не только наличие оставленных ею научных трудов таких известных ученых, как С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, В. О. Ключевский (список можно продолжить), но и перечень тех вопросов, что она поднимала. А он, как можно заключить по юбилейному изданию «Великая реформа» [1], был довольно обширен. Среди наиболее значимых можно назвать такие: «Цензура и крепостничество» (В. А. Розенберг), «Масонство и крепостное право» (С. П. Мельгунов), «Славянофилы и западники о крепостном праве» (В. И. Уланов), «Изображение крепостного права в художественной литературе и в народной поэзии» (Н. Л. Бродский, И. Н. Игнатов, Ф. Ф. Нелидов, А. М. Гнеушев), «Крестьянские волнения и крепостная интеллигенция» (И. И. Игнатов, П. Н. Сакулин) и т. д.

С интересной статьей по самому сложному вопросу темы выступил в юбилейном издании «Великая реформа» М. К. Любавский – крупный ученый, исследователь истории России и Литвы до конца XVI в. [2]. И хотя это была первая и единственная публикация по истории крепостного права, она позволила ему занять достойное место среди признанных авторитетов данной проблемы. Обращает на себя внимание сам подход автора статьи (называлась «Начало закрепощения крестьян») при исследовании вопроса. Во вступительной ее части он писал:

«Закрепощение крестьян, т. е. лишение их личной свободы и прикрепление к тяглу и владельцу, на земле которого они вели хозяйство, совершилось не сразу, а постепенно, было результатом продолжительного процесса нашей истории» [3].

Руководствуясь такой концепцией изучения вопроса, Любавский доказывал, что основные контуры крепостного права обозначились в эпоху Киевской Руси, как результат «экономического и юридического неравенства... между смердами и другими землевладельцами» [4]. Уже в то время, указывал он, «смерды составляли ту самую народную массу, которая была подвластна князьям (подчеркнуто мною – В. А.), которую они обложили различными данями и «уроками», различными повинностями в свою пользу» [5]. Не менее важным для понимания сущности крепостного права, была констатация Любавским процесса обезземеливания крестьян в Киевской Руси. «Смерды уже в Киевской Руси, – писал он, – стали нередко терять свое положение самостоятельных землевладельцев-земледельцев. Уже в то время сделалось довольно обычным явлением поглощение мелких земельных имений крупными» [6] (подчеркнуто мною – В. А.). Затронул М. К. Любавский и такой немаловажный вопрос для науки, как наличие в Киевской Руси различных категорий зависимых крестьян и их эксплуатация феодалами. Для ученого коснуться его было необходимо. И, в первую очередь, для показа социального лица тогдашнего общества как несправедливого, эксплуататорского. «Памятники Киевской Руси, – писал автор, – вообще констатируют стремление сильных землевладельцев устраивать эксплуатацию своих земельных имуществ не только при помощи челяди, рабов, но и при помощи людей других общественных состояний. Таковы были: наймиты, получавшие хлеб и «придаток», т. е. жалование; закупы, получавшие плату вперед, запродавшие себя в рабство до отработки этой платы или «купы», между прочим, на земле заимодавца; сироты, т. е. лишившиеся своих родителей и имения люди; изгои, т. е. разорившиеся купцы; неграмотные дети духовенства; выкупившиеся на волю холопы и т. д. Значительная часть этих людей, несомненно, набиралась из среды смердов» [7].

Признание М. К. Любавским эксплуатации чужого труда в эпоху Киевской Руси (хотя об этом писалось и раньше) имело важное значение в плане дальнейшего осмысления проблемы. Уже тогда было очевидно, что это не предел знаниям о предмете. Наступит время, когда с введением в научный оборот новых групп источников станет возможным более расширенное понимание природы крепостного права, в том числе и признание классовой борьбы, как ответной реакции на те или иные формы эксплуатации. Но это произойдет позже – на этапе советской историографии (в настоящее время этот вывод оспаривается).

Не меньший интерес в названной публикации М. К. Любавского представляет раздел, посвященный крепостническим отношениям в эпоху феодальной раздробленности Руси, и, в первую очередь, освещение вопроса о влиянии борьбы княжеских кланов и внешнего фактора на этот процесс. «Среди причин, содействовавших хозяйственному разорению смердов и потере ими экономической самостоятельности, – отмечал автор, – большое значение имели княжеские усобицы и нападения кочевников-половцев. Но наибольшее действие в данном случае оказали татарское нашествие и погромы XIII и начала XIV века. Эти погромы уничтожили огромное количество самостоятельных земледельческих хозяйств, лишили многих земледельцев их крова, скота и хлеба, и земледельческих орудий» [8].

Как видим, картина, нарисованная М. К. Любавским о положении крестьян, действительно оказалась удручающей, если не сказать больше – катастрофической. В связи с чем перед тружениками земли русской со всей определенностью тогда встал вопрос: что делать? Как побороть ситуацию? И автор в публикации дает ответ: «Поневоле им (крестьянам – В. А.) пришлось подсаживаться к тем, у кого уцелели хоть какие-нибудь остатки капитала и хозяйственного обзаведения... Часть их стала устраиваться в подворники и подсосудки к своей братве... и кормиться около них... Но большая часть стала садиться на землю к князьям, боярам и духовенству и устраивать при их помощи свое хозяйство на их землях. Так появился многочисленный класс крестьян – возделывателей чужой земли. Класс этот, только обозначившийся в Киевскую эпоху, в XIV веке выделился уже в огромном количестве» [9] (подчеркнуто мною – В. А.).

По данным ученого, все крестьянство в XIV – первой половине XV вв. подразделялось на две категории. Одну из них составляли так называемые старожильцы, другую – переходные. Первые осели на княжеской (государственной, дворцовой), боярской или церковной землях постоянно, можно сказать, навсегда, вторые – временно. Независимо от категории, крестьяне заключали с землевладельцами письменные договоры, получившие название «порядные». С этим видом источника скрупулезно и поработал ученый, открыв для науки кладезь знаний. Наиболее важными представляются те, что повествуют о получении крестьянами земли, и вытекающих из этого обязательств перед землевладельцами. «Порядные, – отмечал М. К. Любавский, – обозначают прежде всего участок земли, снимаемый крестьянином, где он обязывался держать его в определенных уже границах, обрабатывать» [10]. Речь шла о парах, вывозке перегноя, удалении сорняков и прочих работах, направленных на повышение плодородия почв. Согласно договору феодал предоставлял съемщику участка приусадебные постройки – избу, клеть, хлев и другие сооружения. В перечне была указана и баня, которая помимо ее известного назначения, можно допустить, включалась в договор обеими сторонами и с той целью, чтобы подчеркнуть принадлежность русских своим национальным традициям. Далее М. К. Любавский отмечал, что крестьянин, пользуясь строениями, нес ответственность за их полную сохранность, обязанность «чинить и крыть». А если они отсутствовали полностью или частично, «то обязан их выстроить вновь».

Жесткие требования были прописаны в порядных на предмет поведения крестьян. Замечу, что по своей сути они правильны, как и необходимы. Без них нельзя. Но, если подходить с точки зрения рассматриваемой М. К. Любавским проблемы – «начало закрепощения крестьян», обращает на себя внимание одна немаловажная деталь: нормы поведения иницированы и прописаны сильной стороной, в данном случае феодалом и, как покажет время, с единственной целью – взять под жесткий контроль жизнь пришельца. «Рядясь во крестьянство, – цитирую автора публикации, – крестьянин обязывался

жить тихо и смиренно, корчмы не держать и никаким воровством не воровать» [11]. Сильная же богатая сторона, как надлежало ей быть в подобных случаях, становилась не только контролирующей, но и административной. И свою власть применяла на деле, в особенности, когда речь заходила о сборе налогов.

А их, по данным порядных, было немало. М. К. Любавский, ссылаясь на этот вид источника, указывает: «... крестьянин обязывался со своей выги (размер участка – В. А.) государевы подати, дань и оброк и всякие волостные разрубь... платити, а владельцу (у кого арендовалась земля, жилые постройки – В. А.) платити в доход... обыкновенно натурою... Сверх оброка «крестьянин обязывался еще «на дело крестьянское ходити», т. е. нести разные барщинные повинности в пользу землевладельца» [12].

Следствием тяжелых, а то и прямо неподъемных прямых налогов, а также разного рода повинностей стал неизбежный отток сельского населения с арендованных участков. Уходили как старожильцы, так и перехожие. На основании этих и других неопровержимых фактов, главным из которых являлось лишение крестьян земли, М. К. Любавский сделал исключительной важности вывод: «Превращение самостоятельных земледельцев-землевладельцев в возделывателей чужой земли, в свою очередь, послужило фундаментом, на котором стала воздвигаться постройка крепостного права. Извлекая доход с имений, и выполняя с них государственные повинности, главным образом при помощи крестьянских рабочих рук, землевладельцы рано или поздно должны были проявить стремление к закреплению этих рук у себя в селах и на деревнях» [13] (подчеркнуто мною – В. А.). И далее очень важная констатация протекавшего процесса, данная в концовке вывода: «Пример подали в этом отношении князья удельной эпохи» [14]. С выводом автора нельзя не согласиться. Он точен. Причем во многом совпадает с тем, что дан в издании «Всемирная история : энциклопедия» : «Различные формы зависимости сельского населения от землевладельцев существовали на Руси с XI в. Согласно «Русской правде», зависимость закупов и смердов была близка к крепостной» [15].

Заканчивалась статья М. К. Любавского рассмотрением истории крепостного права в XV–XVII вв., когда на смену удельной раздробленности пришло время объединения русских княжеств в единое государство с центром в Москве. Но это был уже новый, основной этап закрепощения крестьян, когда материальные, экономические интересы феодалов совпадали с государственными политическими. И та, и другая стороны тогда остро нуждались в наведении порядка. А он заключался в том, чтобы лишить крестьян их последнего, формального права свободного перехода от одного землевладельца к другому. И эту задачу центральная (Московская) власть решила, хотя и не сразу, через целую серию законодательных актов XVI – XVII вв.

Появление статьи М. К. Любавского на страницах юбилейного сборника «Великая реформа» имело важное значение для отечественной историографии конца XIX – начала XX вв. и, в частности, того направления, что было связано с именем В. О. Ключевского. Последний, как известно, к проблеме крепостного права подошел с позиций социально-экономических отношений (договорно-арендная теория) в противовес правовым (государственная школа). Статья М. К. Любавского однозначно работала на это направление в науке, укрепляла его.

Не менее важным для дальнейшего развития отечественной историографии в тот период имело обоснование М. К. Любавским хронологических рамок истории крепостного права. В статье на основе большого круга источников неопровержимо доказывалось, что своими корнями система крепостнических отношений уходит вглубь веков к эпохе Киевской Руси с последующим полным юридическим ее оформлением в Московском княжестве. Такой подход к прошлому вел к важному выводу, что российское крестьянство вплоть до конца XVI в. уже было не свободным, жестоко эксплуатируемым классом населения. И здесь следует заметить, что М. К. Любавский вступал в открытую схватку со сторонниками «самобытного крепостного уклада в России», развернувшими к исторической дате 19 февраля 1911 г. кампанию под лозунгом: «Это будет не их праздник» [16].

Примечания

1. Пятитомное издание «Великая реформа» (с подзаголовком «Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем») было посвящено важной дате в истории России – 50-летию отмены крепостного права. Судя по вступительной статье (от редакции – А. Дживилегов, С. Мельгунов, В. Пичета), данное событие встречалось в штыки со стороны почитателей «крепостного уклада». «Когда рабство прославляют теперешние идеологи крепостничества, – отмечали авторы сборника, – это просто дико» (Указ соч., с. 5). Свою задачу ученые юбилейного издания видели не только в том, чтобы поставить на место зарвавшихся защитников крепостного права, но и помочь обществу в осознании значимости того, что произошло в стране пятьдесят лет назад, осознать «при помощи данных, добытых до сих пор русской наукою» (там же, с. 6).

2. Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) – русский советский историк, акад. (с 1929; чл.-корр. с 1917). Родился в семье дьячка. В 1882 г. окончил историко-филол. ф-т МГУ. В 1884 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1900 г. – докторскую (обе по истории литовско-русского государства). В 1901–1917 гг. – проф. (с 1911 г. – ректор МГУ). М. К. Любавский – автор более 200 трудов, главный из которых – «Очерк истории литовско-русского государства до люблинской Унии включительно» (М., 1910). Источники : Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965. Стб. 834; Новый энциклопедический словарь. Т. 25. М.: Изд. АО «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон». Стб. 174.

3. Великая реформа. Т. 1. С. 1.

4. Там же. С. 2.

5. Там же.

6. Там же.

7. Там же. С. 3.

8. Там же.

9. Там же. С. 4.

10. Там же. С. 8.

11. Там же.

12. Там же.

13. Там же. С. 9.

14. Там же.

15. Всемирная историческая энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С. 162.

16. Великая реформа. Т. 1. С. 5.